

Александр Шибает

Сбсеёо/хотпзн
рассодабви
бореа Среса
бврдабфебго
гобидея сетса
Сврреия Ссали
десея Овелипн

Огополивотийи
копррелниятии

Всего...
Всего...
Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Сарсеяя Вюга
лобавио ссали
оосбонсопортиа
дбврогеансанн
орниденабнне
борсаяя Мали

Всего...

Англелер:
последний след
и великой истощенной
восторженности
соловья
богот разздать до сихвот

Александр Шibaев

Англетер: последний след соловья

<https://litres.ru/74586488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман-расследование гибели величайшего поэта всех времен С. Есенина, основанный на подлинных архивных материалах, финансовых отчетах богемной Москвы и свидетельствах очевидцев, предлагает читателю пройти по лезвию бритвы между официальной сухой версией и великой исторической тайной, которую Россия не может разгадать до сих пор.

Александр Шибаев

Англетер: последний след соловья

АНГЛЕТЕР: ПОСЛЕДНИЙ СЛЕД СОЛОВЬЯ

Документальный роман-расследование.

АННОТАЦИЯ

Декабрь 1925 года. Номер 5 ленинградской гостиницы «Англетер» заперт на глухую задвижку изнутри. Раскаленные чугунные трубы парового отопления, тусклая раскачивающаяся лампа и остывший самовар на столе — декорации, в которых оборвалась жизнь величайшего поэта России. Что скрывает казенное «Дело № 89»? Почему поспешный медицинский акт доктора Гиляревского спустя десятилетия вызывает больше вопросов, чем ответов? И какая невидимая нить связала роковой шнур в Ленинграде с выстрелом на заснеженном Ваганьковском кладбище год спустя? Этот документальный роман-расследование, основанный на подлинных архивных материалах, финансовых отчетах богемной Москвы и свидетельствах очевидцев, предлагает читателю пройти по лезвию бритвы между официальной сухой версией и великой исторической тайной, которую Россия не может разгадать до сих пор.

ПРОЛОГ.

Письмо из Парижа Март 1925 года. Баку, Мардакяны. Весна на Каспийском побережье входила в силу рывками, принося с моря то тяжелый, пахнувший нефтью зной, то пронизывающую сырость. Сергей Есенин сидел на веранде бывшей виллы миллионера Мухтарова. Этот огромный каменный дом с запущенным, похожим на райские кущи садом стал для него убежищем. Его друг, партийный деятель Петр Чагин, буквально спрятал поэта здесь от московской суеты, бесконечных кабацких скандалов, судов и удушающего контроля ГПУ. Здесь, в тишине, Есенин казался себе другим человеком. Он носил легкий светлый костюм, много курил, щурясь на солнце, и часами перебирал старые, пожелтевшие бумаги в кожаном дорожном саквояже. Среди счетов из московских издательств, обрывков стихов и старых газетных вырезок его пальцы наткнулись на плотный, заграничный конверт. Марка с французским штемпелем, Париж. Письмо пришло давно, но только здесь, в Мардакянах, у него хватило душевных сил перечитать его. Письмо было от Лидии Кашиной. Бывшей помещицы его родного села Константинова. Его «белой дамы». «Серёжа, доходят ли до вас вести из этого чужого, холодного Парижа? — писала она аккуратным, тонким почерком выпускницы института благородных девиц. — Здесь всё чужое. Я часто вспоминаю нашу Оку, цветущие вишни усадьбы и то, как вы читали мне свои первые, чистые стихи. От той России ничего не осталось, Серёжа. Но я помню...» Есенин отложил письмо. Затянулся па-

пиросой «Ира», и дым медленно поплыл над бакинским садом. В его глазах, обычно беспокойных и мутных от алкогольной усталости, вдруг вспыхнул прежний, синий, рязанский свет. Он вытащил чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила. Прошрое, которое он считал похороненным под обломками революции, хлынуло наружу. На листе появились первые строки: Узелков связал я много мне знакомым, Оттого и горько мне теперь стареть... Вспоминаю я о дереве о том, у дома, Где осталась моя юность догорать. Он начинал писать «Анну Снегину». Это была не просто поэма. Это был его реквием по ушедшей, бревенчатой Руси и по самому себе — тому чистому мальчику, которого больше не существовало.

ГЛАВА 1. Белая дама и Пронь Оглоед

Лето 1916 года — Октябрь 1917 года. Рязанская губерния, село Константиново. В шестнадцатом году мир вокруг Константинова еще казался незыблемым, хотя где-то далеко, на фронтах Первой мировой, уже лилась кровь. Ока катила свои тихие воды под крутыми берегами, а над селом стоял густой, сладкий запах цветущих лип и скошенной травы. Двадцатилетний Серёжа Есенин шел по барскому саду усадьбы Кашиной. На нем была чистая косоворотка, подпоясанная шелковым шнурком, а золотые кудри были тщательно зачесаны. Лидия Ивановна Кашина ждала его на открытой веранде. Она сидела в плетёном кресле, в легком белом платье — настоящая «белая дама», сошедшая со страниц тур-

геновских романов. — Читайте, Серёжа, — тихо попросила она, наливая ему чай в фарфоровую чашку. И он читал. Голос его, сначала робкий, набирал силу, звенел над засыпающим садом. Он пел о полях, о рощах, о деревянных избах. Кашина смотрела на него с нежностью и грустью. Она видела в нем не просто крестьянского парня, а дикий, первозданный талант, который скоро заберет у неё бурный Петербург. Это была тонкая, платоническая влюбленность — союз утонченной дворянской культуры и буйной народной силы. Октябрь 1917 года. Мир перевернулся всего за год. Белое платье Кашиной и фарфоровые чашки остались в прошлой жизни. Над Константиновым витал другой запах — запах дешевой махорки, сивухи и гари. После декрета о земле крестьяне почувствовали себя хозяевами. День был пасмурным и ветреным. Есенин, приехавший в село из бурлящего Петрограда, стоял у ворот своего дома, когда услышал гул со стороны деревенской площади. По главной улице шла толпа. Впереди всех, покачиваясь от выпитого самогона, шагал Пётр Яркин — местный бунтарь, пьяница и горлопан, которого в деревне за глаза звали Проней Оглоedom. В руках у него был тяжелый кованый топор, у остальных — вилы и косы. — Шабаш, мужики! — орал Яркин, размахивая топором. — Кончилось барское время! Идем кашино гнездо описывать! Разорители народные, попили нашей кровушки! Всё подчистую заберем, а дом по бревнам раскатаем! Толпа гудела, поддакивала. Глаза у мужиков были шальные, страшные. В

такие минуты русская деревня, обычно тихая, превращалась в беспощадный бунт. Есенин понял: быть беде. Лидия Кашина с детьми была в доме. Если эта толпа ворвется внутрь — живыми они оттуда не выйдут. Поэт бросился наперерез. Пользуясь тем, что в селе его знали все от мала до велика и уважали как «своего, который пробился в столичные люди», Есенин взбежал на крыльцо барского дома и повернулся к толпе лицом. — Стойте! — закричал он, вскинув руки. — Опомнитесь, мужики! Толпа притормозила у самого крыльца. Пётр Яркин сплюнул сквозь гнилые зубы под ноги поэту. — Ты чего под ногами путаешься, Серёга? Отодвинься, не твоё это дело. Мы советскую власть устанавливаем. По закону действовать надо! — По какому закону?! — Есенин сделал шаг вперед, его синие глаза потемнели от ярости. — Дом ломать — большого ума не надо! Разломаете, растащите по щепкам — и что? А Кашина вам плохого что сделала? У кого зимой зерно просили, когда голодали? У неё! Мужики в толпе переглянулись, зашушукались. Кто-то опустил вилы. — Дом ломать нельзя, — твердо, нажимая на каждое слово, продолжал Есенин. — Мы здесь амбулаторию сделаем. Школу для ваших же детей откроем. Книжки барские читать будете! А Лидию Ивановну не трогайте. Дайте ей уехать мирно. Честью прошу, по-соседски! Яркин еще что-то ворчал, потрясая топором, но запал толпы уже был сбит. Слова Есенина, сказанные понятным, деревенским языком, но с напором городского авторитета, подействовали. Мужики согласились

«описать имущество» мирно. В ту же ночь, под прикрытием осенней темноты, Есенин помог Лидии Кашиной собрать самые необходимые вещи и посадил её с детьми на подводу до железнодорожной станции. На прощание она крепко пожала его холодную руку. — Спасибо, Серёжа. Я этого никогда не забуду, — прошептала она. Подвода скрылась в тумане. Усадьба осталась стоять целой, но Есенин, глядя вслед уезжающей телеге, кожей чувствовал: вместе с этой женщиной из России навсегда уходила прежняя красота, уступая место новой, жестокой и прагматичной эпохе комиссаров и бунтарей.

ГЛАВА 2. Счета из «Стойла Пегаса»

1919–1921 годы. Москва, Тверская улица. Послереволюционная Москва встретила Есенина сыпным тифом, пайками из сушеной воблы и пронизывающим холодом нетопленных комнат. Но именно здесь, в бурлящем котле голодной столицы, зарождалось новое, наглое искусство. Заявив о себе как о вожде нового литературного течения — имажинизма, Есенин вместе с поэтом Анатолием Мариенгофом решил, что стихам нужна своя трибуна. И свой бизнес. Так на Тверской появилось литературное кафе «Стойло Пегаса». Стены заведения были выкрашены в ядовито-зеленый цвет, а по ним тянулись кривые силуэты скачущих лошадей и строчки есенинских стихов. Здесь собиралась вся богемная, полуголодная и опасная Москва: футуристы, проститутки, спекулянты-мешочники, скрывающиеся дворяне и чеки-

сты в кожаных куртках, которые пили спирт, не снимая наганов с пояса. Февраль 1920 года. В «Стойле» стоял густой, сизый дым от махорки и дорогих заграничных папирос. Есенин сидел за угловым столиком, на котором громоздилась гора грязной посуды и пустых бутылок. На нем был дорогой, щегольской заграничный костюм, купленный на первые крупные гонорары, но под этим лоском скрывалась глубокая, черная усталость. К столу подошел половой в засаленном фартуке и робко положил перед поэтом пачку узких бумажных лент. За прошлую неделю счета. Есенин взял карандаш и стал бегло просматривать бумаги. Финансовые архивы сохраняют эти клочки бумаги: 52 счета с его размахистыми подписями. Цифры были сумасшедшими — инфляция росла каждый день, и за несколько бутылок вина и закуски приходилось отдавать астрономические суммы в советских дензнаках. — Опять долги, — глухо процедил Есенин, швыряя карандаш на стол. — Всё, что издательство платит, здесь оставляем. Толян! — крикнул он Мариенгофу, сидевшему напротив. — Надо свою типографию открывать. Иначе эти партийные типографы из нас все жилы вытянут. Они наши книги по три месяца маринуют, цензурой душат! Мариенгоф, изящный, в безукоризненном галстук-бабочке, меланхолично пригубил мутную жидкость из бокала: Типографию, Серёжа, нам открыть не дадут. Госиздат монополизировал бумагу. Чтобы получить хоть один рулон, нужно идти на поклон к комиссарам. А ты для них — «кулацкий по-

эт». Есенин резко грохнул кулаком по столу, так что звякнули рюмки. На него начали оборачиваться из соседних рядов: Я певец этой земли! А они её в бетон закатать хотят! Машинами своими, железными тракторами деревню душат! — Тише ты, Серёжа, — Мариенгоф едва заметно повел глазами в сторону соседнего столика. Там, в тени зеленой стены, сидел человек в глухом френче. Он пил чай из стакана в подстаканнике, демонстративно не глядя на поэтов, но ухо его было повернуто в их сторону. Это был один из штатных осведомителей ГПУ. Слежка за Есениным к 1921 году стала тотальной. В его секретное досье регулярно ложились рапорты: *«Поэт Есенин в состоянии опьянения читал антисоветские стихи, выражал недовольство политикой партии в деревне»*. Есенин тоже заметил этот взгляд. Его лицо исказила злая, пьяная гримаса. Он поднялся, пошатываясь, и, глядя прямо в упор на чекиста, громко, на всё кафе затянул строки, которые еще никто не видел в печати: Мир таинственный, мир мой древний, Ты затих, как ветряный по-свист. Ради городского культа деревни Хотят тебя задушить, как повесть... В «Стойле Пегаса» мгновенно стихли разговоры. Слышно было только, как трещит фитиль в керосиновой лампе. Чекист за столом медленно достал блокнот и сделал короткую запись. Есенин смотрел на него сверху вниз, и в его глазах уже не было того чистого, синего рязанского неба, что в шестнадцатом году. В них плескался смертельный испуг зверя, который понимал: кольцо вокруг него сужается с

каждым днем. Деньги таяли, независимую типографию открыть так и не разрешили, а впереди маячил глухой, удушливый тупик. Именно здесь, за липкими столами «Стойла Пегаса», в его сознании начал обретать плоть тот самый зловещий гость, которого он позже назовет Чёрным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.